

ИЗВЛЕЧЬ НАГЛЯДНЫЙ УРОК...

В Ленинабадском театре музыкальной комедии им. А. С. Пушкина трехдневный интерес не только к веселым представлениям, но и к самым серьезным и различным сценическим жанрам. Пушкинцы охотно обращаются к классической литературе. В романтическом, сказочном, вымышленном — порою в «литературном» мире театр смело и обнаженно и выпукло сталкивает добро и зло, человеческие страсти, борения. Тем самым зрителям преподносят наглядные нравственные уроки. И сегодняшнее обращение к событиям «давно минувших дней», которые разворачиваются на сцене, становится понятно и оправданно.

Два спектакля пушкинцев из числа тех, что показаны ими на нынешних гастролях в Душанбе, — красноречивое тому подтверждение.

Вот сказочно-героическая феерия «Рамаяна» по мотивам древнеиндийского эпоса. Добро, в лице прекрасного принца Рамы и ряда других персонажей, вынуждено уйти в изгнание в лес, где властвуют грозный, страшный царь острове Ланка Раван. Здесь Раме приходят на помощь представители обаятельного царства, и под знаком справедливости торжествуют. «Рамаяна» — спектакль на все вкусы и возрасты. Красочные костюмы и декорации (художник И. Буров) «эстетизируют» самых плохих действующих лиц и самые безнадёжные ситуации. К примеру, после нескольких лет изгнания на героях «Рамаяны» столь же прелестные одежды, что и во время счастливых дворцовых сцен начала спектакля. А Раван (артист С. Курбасалиев) воплощает зло громовым голосом и смехом, руками, вскинутыми наподобие крыльев, и сложным неградиым гримом. Только в схватке бывает такое зло, и зритель, прекрасно понимая это, ничуть не боится Равана.

После тех же дворцовых сцен постановщик спектакля И. Саломов и актеры дарят нам неповторимо театральную радость встреч с лесными обитателями — обезьянами и сестрой Равана Шурпанхой. Как они недоверчивы, обаятельны, вначале с Рамой, как они жаждут освободиться от гнета Равана и боятся вступить с ним в борьбу, как они светлы и шумно совещаются в поисках решения! Трудно забыть и пародийную, упоительную имитацию артистами во главе с А. Камолитдиновым («обаянный царь Сугрив») поведом этих существ! Лицо спектакля меняется и с появлением Шурпанхи, у которой замечки брата сочетаются с детской непосредственностью и воплощены на поиски жениха. Молодая актриса З. Туйчиева достигает в этой роли завидной легкости, пластичности, комедийной характерности.

Следующий спектакль театра — еще одно обращение к творчеству великого поэта, чье имя он носит. Речь идет о «Фонтане любви, фонтане любви», названном «Бахчисарйским фонтаном» А. С. Пушкина. Работа театра (режиссер И. Саломов) — не спялок с поэмы, а ее искусная, и надо сказать, талантливая имитация, принадлежащая перу драматурга Н. Исламова. Он весьма подробно развил только угадываемые в поэме линии, создал новых персонажей, и 16-страничная поэма превратилась в более чем двухчасовую «полнометражную» пьесу.

Добавления к поэме логично связаны в основном с предысторией отношений между крымским ханом Гиреем, его женой — невольницей Заремой и пленницей-полячкой Марией, а также с обоснованием и вводом в число центральных религиозного конфликта (мусульманин Гирей, жаждущий руины и сердца католички Марии). Эти дополнения помогают разомкнуть рамки камерного любовного «треугольника», делают напряженное драматическое противостояние более масштабным. И все же главным смыслом спектакля остаются, как и у Пушкина, отношения Гирей и Зарема. Дуэт молодого артиста Г. Хусайнова и одной из лучших таджикских актрис С. Исоевой определяет напряжения этой драмы. Гирей — сама власть, импульсивность, неутоленность. Он не создан для того, чтобы пребывать в покое, довольствоваться достигнутым. Он — завоеватель, сокрушитель преград, будь то вражеские редуты или женские сердца. Он весь как неостановимый, буйный жизненный порыв. И рядом — Зарема с ее нагой и спокойствием, с ее ажитацией в гаремный быт, где она — любимая жена Гирей, с величавостью и силой, направленной на то, чтобы не расплескаться переполняющее ее чувство. Но такая она лишь в первых своих эпизодах. Затем, с появлением в ханских покоях Марии, безнадёжной страсти Гирей, С. Исоева начинает играть вариант античной Медзы, непреклонной мстительницы за отвергнутую любовь. Вариант с большей сдержанностью и углубленностью в себя. Не до поднятия занавеса, как в «Медее», а на наших глазах страсть Заремы обращается в свою противоположность — в безнадёжность, в ненависть, в стремление вернуть любовь или отомстить...

Сказка, поэма. Жанры условные, канонические, с суммой давно наработанных постановочных приемов. И все же каждое новое обращение к этим известным жанрам должно нести и отпечаток своеобразия — не только тематического, о чем мы сказали выше, но и сценического. Последнее больше видно по режиссуре И. Саломова, чем, увы, по сценографии И. Бурова, особенно в «Фонтане любви...» Безусловно, И. Буров — профессионал. Декорации его красочны, тщательно выписаны. Однако они, если говорить кратко, «оперные», иллюстративны, одномерны (и по фактуре, и по идее, в них заложенной). Они недостаточно отвечают важнейшей функции сценографии — созданию целостного и неповторимого образа спектакля. Разве определяют смысл, образ пушкинской поэмы два — на суперзаказе и возле задника второго действия — как бы всамделишных фонтанов с люющими световыми струями. Сегодня уже никого не удивишь иллюзионностью. Такое оформление, самое главное, никак не работает на стиль спектакля, не определяют его. С равным успехом оно могло бы быть использовано в ряде других драматических постановок.

Н. МАНСУРОВ.

10 ИЮНЬ 1979

КОКСОКУЛ ТАДЖИКИСТАНА

г. ДУШАНБЕ